

НАШИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

К 150-летию МПГУ

Александр Киселев, Алексей Лубков

РУСЬ: ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ПРАВОСЛАВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ОКОНЧАНИЕ)*

Заключение

ПРАВОСЛАВИЕ И ХАРАКТЕР НАРОДА

Русская святость, о ярких представителях которой в Древней и средневековой Руси написано выше, созидательная роль православной церкви в обществе и суверенном развитии Руси не могли не сказаться и сказались на формировании национального характера русского народа. О нем в той или иной мере мы писали в предыдущих главах, теперь сделаем обобщающие выводы.

Характер человека сугубо индивидуален. Сколько людей, столько и характеров. Причем, как правило, они противоречивы. В человеке уживаются добро и зло, жадность и нестяжательство, милосердие и жестокость, правдолюбие и лукавство и т. д. Характер любого индивида не укладывается в однозначные оценки, ибо в разных обстоятельствах он проявляется по-разному и нередко с неожиданной стороны. Отсюда возникает вопрос о возможности выявления сути характера целого народа, вмещающего в себя миллионы людей с разными судьбами, поведением, целеполаганием, отношением к межличностным коммуникациям, мировосприятием и мировоззрением.

Есть ли характер нации как целостное и уникальное явление в мировой истории? Многие отечественные и не только отечественные мыслители отвечают на этот

---

* Из материалов книги: *Киселев А. Ф. Русь: от язычества к православной государственности / Александр Киселев, Алексей Лубков. М.: Вече, 2022. 464 с.: ил. – (Русская история).*

Начало см.: *Киселев А. Ф., Лубков А. В. Русь: от язычества к православной государственности // Развитие личности. 2022. № 3–4. С. 9–47; 2023. № 1. С. 8–69; № 2. С. 8–65.*

вопрос утвердительно – есть. Он формируется и проявляется в историческом бытии каждого народа и самым существенным образом на него влияет, окрашивает в такие тона, которые присущи только данному народу. Более того, характер нации самым существенным образом определяет суть и тип цивилизации, которую он строит. Это убедительно доказал Н. Я. Данилевский, разработавший теорию культурно-исторических цивилизационных типов, которую развили английский философ А. Тойнби и немецкий мыслитель О. Шпенглер.

В основе любой цивилизационной модели лежит духовный тип народа, принадлежащего к ней. Какая сила формировала духовно-исторический тип русского народа? С полным основанием и убежденностью в правоте следует сказать – православие. Именно оно сформировало духовные особенности русских людей, их неповторимый национальный характер, облик в мировой истории. Самое существенное и во многом определяющее влияние на генезис национального характера оказали: идеалы личности православного человека, воплотившиеся в почитании святых подвижников и святых мирских защитников Отечества с их пронзительными, удивительными личными качествами.

Благоговение перед святынями было той нравственной основой, которая помогала обрести устойчивость в этом неустойчивом и противоречивом мире. Через благоговение человек ощущает, что несовершенство мира не есть вина Бога, а имеет какой-то иной источник. Святыни – свидетельство бытия Бога. Без Бога человек превращается в «ничто» и от него зависит наполниться Им, напитаться подлинной жизнью и служить Ему. Однако это служение не только Богу, но и самому себе, восхождение к человеку как образу и подобию Бога.

Православие формировало единое мировоззрение и мировосприятие русских людей, их морально-нравственные устои и ценности, поведение и восприятие жизни. Православие оказало самое существенное влияние на отношение человека к государству, обществу, к другим людям и определению своего места и роли в этом многомерном и разноплановом мире. На основе православных истин строились семейные отношения и отношения между мужчинами и женщинами. Последнее с удивительной силой выразил св. Иоанн Кронштадтский: «К женщине следует относиться как к храму, в котором рождается новая жизнь!» Замечательно, а главное – точно сказано.

К сожалению, современный мир идет диаметрально противоположной дорогой, пропагандируя половую распущенность и разврат, однополые браки, смену полов, культ вседозволенности и пр. Феминизм как борьба женщин за свои права и равноправие с мужчинами выродился в пропаганду неприязни женщин к мужчинам, в раскол общества по половому признаку, а любовь как высокая, светлая, созидающая коммуникация между мужчинами и женщинами предается забвению и осмеянию.

В ходе христианизации Руси, занявшей не одно столетие, жизнь народа буквально пропитывалась православной духовностью. В результате сформировалось такое фундаментальное и устойчивое качество русского народа, как религиозность с ее жаждой абсолютного добра и смыслов жизни, что выразилось в русской культуре с ее ответами не на вопрос: «Как жить?» – на который по преимуществу отвечает западная культура, а на вопрос: «Зачем жить?» Поиски смысла жизни неизменно звучат в творчестве ее гениев – Пушкина, Достоевского, Толстого, Тютчева, Шолохова и других корифеев.

Русская философия в лице ее выдающихся представителей – славянофилов, Флоренского и Булгакова, Федотова и Ильина, Бердяева и Флоровского была исключительно религиозной и на этой основе стала крупным явлением в мировой философской мысли. По сути, религиозным было русское революционное движение со своим пантеоном мучеников, «святых», бескорыстных жертв за идею и т. д.

Большевики увлекли массы перспективой строительства «Царства Божия на земле», а не снискания его на небе. Марксизм-ленинизм превратился в идеологический культ, которому буквально присягали на верность. В богословских трудах было меньше цитат из священных книг и ссылок на них, чем ссылок и цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма в книгах и статьях советских ученых. Сформировался своеобразный, сродни религиозному ритуал партсобраний от партячеек до партийных съездов. Однако советский атеизм не искоренил религиозность основной массы народа. Детей крестили, православные праздники отмечали, церковные службы о здравии и поминании усопших заказывали и т. д. Православие не умирало, и официальная пропаганда «марксистско-ленинской религии» не смогла подавить естественные для советских людей религиозные чувства и потребность в них.

Впрочем, какие идеи под флагом атеизма претворяла в жизнь, пропагандировала и идеологически обосновывала советская власть? Традиционные, возвращенные на почву православия – нестяжательство, социальную справедливость и равноправие, всеобщность и ценность труда, патриотизм и долг перед страной, обществом и семьей, дружба и сотрудничество наций и народностей, высокая нравственность и т. д.

Эти и многие другие идеологические установки не противоречили сформировавшимся за многовековую историю Руси-России духовно-нравственным ценностям, а являлись их воплощением и развитием, но в другой форме и трактовке, что в конечном счете не меняло их суть и традиционный смысл. Иное мы наблюдаем в современной постмодернистской Европе, которая уверенно идет к расхристианизации и расчеловечиванию, реализуя девиз Ницше – «Бог умер!». Однако вместе с Богом умирает гуманизм и собственно человек с сокровенной душой.

О религиозности русского народа писали многие мыслители. Большинство полагает, что ее истоки лежат в труде земледельцев в суровом климате и на малопродуктивных почвах. Ф. Степун писал, что русский мужик никогда не чувствует себя хозяином своей жизни, он всегда знает, что над его жизнью есть настоящий хозяин – Бог. Это чувство своей человеческой немощи в нем постоянно питает его ежедневный крестьянский труд. В крестьянстве как ни работай, доделать до конца человеку самому все равно ничего нельзя. Отсюда основное религиозное чувство мужика, чувство реального ежедневного сотрудничества с Богом, с живою душой земли, с домовыми и лесовыми. С этим связаны стойкие языческие пережитки в сознании крестьян. Вера в Бога сочеталась с языческой верой в живую силу природы. Земля для крестьян – не объект производства, а животворящее начало, душа жизни.

Крупный отечественный философ Н. О. Лосский высоко оценивал высказывания немца Вальтера Шубарта о двух типах людей: первый, прометеевский героический тип, второй – иоанновский, мессианский человек, следующий идеалу Евангелия от Иоанна. Прометеевский герой видит в мире хаос, который он призван обуздать. Он жаждет власти и отчуждается от Бога, погружаясь в мир материального. Иоанновский человек мечтает восстановить на земле божественный порядок соглас-

но христианскому идеалу. Для него естественнее стремление не властвовать, а примирать и любить, видеть в людях не врагов и соперников, а братьев, добиваться гармонии в жизни человеческих сообществ. Шубарт пишет: «Запад подарил человечеству наиболее совершенные форму техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям»¹. Между тем поток прометеевского мироощущения не один раз разливался по России: «он шел через европеизаторскую политику Петра I, затем через французские революционные идеи и, наконец, атеистический социализм, который захватил власть в России в 1917 г.»².

Добавим, что самая мощная атака прометеевской культуры, сметавшей и извращавшей традиционные российские духовно-нравственные ценности, обрушилась на Россию в 1990-е годы. Ее разрушительные последствия дают о себе знать и в современной России. Однако Шубарт верит, что, несмотря на исторические срывы, Россия явит миру просветленный образ высокой духовности, которая жила и будет жить в русском духе, имеющем истоки в древнем русском христианстве. В глубине России всегда жила настоящая христианская церковь в лице почитаемых народом подвижников и святых, «старцев», к которым за утешением и духовным наставлением шли тысячи людей.

Дух православия воплощался в праведной жизни и служении многих священников. В. Шубарт писал: «Гармония лежит в образе русского священника. Мягкие черты его лица и волнистые волосы напоминают старые иконы. Какая противоположность иезуитским головам Запада с их плотскими, строгими, цезаристскими лицами»³. Людей, выросших в традициях православия, отличали спокойствие, сдержанность и достоинство.

Философ Н. Лосский приводит интересные характеристики русского народа иностранцами. Так, французский ученый Леруа-Болье, неоднократно бывавший в России в конце XIX в., отмечал, что русские крестьяне не утратили чувство связи «с обитателями невидимого мира» и в их мировосприятии сочетается рационализм и мистицизм, признание ценности покаяния, терпения, служения.

Англичанин Стивен Грэхем, исходивший пешком буквально всю Россию и хорошо знакомый с жизнью крестьян, писал, что с англичанами разговор завершается беседой о спорте, с французом – о женщинах, с русским интеллигентом – о судьбе России, с крестьянином – размышлениями о Боге и религии. Он отмечает, что в русском характере главное – сострадание, милосердие, жалость, прощение, внимание к людям.

Профессор Сорбонны Жюль Легра писал, что у русских заметно влечение к высшему и абсолютному. Их мистическая религиозность выше и искренней, чем у европейцев. Она идет не только от традиций, а в большей мере от души⁴.

О том, что православие наполняло собой народную толщу, убедительным свидетельством является то, что в народных глубинах родились многие святые и религиозные подвижники. В первую очередь религиозный гений – Серафим Саровский.

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997. С. 108.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1957. С. 63–64.

По характеристике С. Л. Франка, он подлинно русский духовный тип: теологически необразованный аскет, чудотворец и ясновидящий, типичный русский «старец», каким его изобразил Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» в образе Зосимы. Вместе с тем он был «глубоким мистическим мыслителем, который на основе личного опыта развил совершенно оригинальное, единственное в своем роде в мистической мировой литературе учение о «стяжании Святого Духа»¹.

Этот, по сути, народный религиозный гений мог вырасти только на почве, пропитанной духовностью, исканиями Бога и его воплощения в душе человека. Образ св. Серафима Саровского, как и образы многих поколений русских святых, – духовный портрет русского народа и его национального характера.

Из среды русского крестьянства вышло много замечательных подвижников, подававших пример благочестия и чистоты духовной жизни. Крестьянином был известный старец Иларион, прозванный Троекуровским затворником. К нему толпами шел народ, «ища и молитв его». Он обладал даром прозорливости. Однажды к Илариону пришел наставник училища Александр Михайлович Гренков и получил совет поступить в Оптину пустынь. «Там ты будешь нужен», – сказал старец. Гренков после долгих раздумий и колебаний последовал совету, ушел в монастырь и впоследствии стал великим оптинским старцем Амвросием – почитаемым святым². Не чудо ли это?

Из крестьян вышел подвижник Иоанн, в монашестве Исая, прославившийся трудно достижимой добродетелью – смирением. В судьбе другого русского крестьянина, Пахомия Валдайского, раскрывается уход от мирской суеты с обетом молчания. Умер он в возрасте 77 лет у себя в келье, стоя на коленях перед иконами. Из крепостных крестьян вышли известный миссионер о. Дмитрий (Коновалов), схимонах Филипп, основатель пещерной обители Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой лавры с тремя своими сыновьями-монахами, преподобный Варнава, старец того же скита, архимандрит Антоний – наместник Свято-Троицкой лавры и много других православных подвижников, оставивших глубокий след в религиозной жизни народа.

Все слои русского народа особый интерес проявляли к различию добра и зла, греху и его искуплению, правде и лжи. К преступникам относились как к несчастным людям, попавшим в беду, искренне желая им духовного выздоровления, раскаяния и покаяния.

Интересны наблюдения замечательного отечественного мыслителя Ф. А. Степуна за деревенской жизнью. Федор Августович годы Гражданской войны провел в подмосковной деревне Поповке, организовав со своими московскими товарищами сельскохозяйственную артель. Труд на земле давал возможность выжить в голодные годы. Крестьяне с иронией, но с уважением отнеслись к новым односельчанам – «господам-интеллигентам».

Степун лишний раз убеждался в том, что простой русский человек совестлив, справедлив и добродушен. Запомнились беседы с солидными крестьянами, имевшими крепкие хозяйства. Они полагали, что проживание помещиков в деревне приносит пользу. Можно оставлять им приусадебную землю. Пусть живут свои

---

¹ См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 287.

² См.: Киселев А. Ф. Жизнь и смыслы. М., 2015. С. 267.

бытом, который резко отличается от крестьянского обиходом и уютом. Все это будет для крестьян добрым примером, и они постепенно изменят свое житье-бытье на более культурное, без козлят и цыплят в избах, сменят убогую обстановку на другую.

Для Степуна подобные высказывания о новой роли помещиков в деревне были неожиданными и поражали тем, что крестьяне в глубине души мечтали о более высокой культуре быта, жизни в целом. Поэтому никакой классовой ненависти крестьян к помещикам, во всяком случае в Поповке, Степун не заметил.

Степун почувствовал, что труженики – не разрушители, а созидатели. «Безумие» революции вызывало у них глубокие переживания. Федор Августович видел, что крестьяне ищут какую-то новую, свою правду. Они были отзывчивыми людьми: откликались на беду попавших в тиски голода и односельчан, и «господ» из артели Степуна.

Степуна удивила тяга крестьян к знаниям. Он на свой страх и риск решил прочитать в деревенском трактире, этом своеобразном сельском клубе, лекции о философии Вл. Соловьева и писателе Л. Толстом. Боязнь, что его не поймут и отторгнут, не оправдалась. Крестьяне слушали Степуна с вниманием и интересом. Особенно заинтересовал их Л. Толстой. Они откликались на добро и судили о людях, в том числе далеких от их среды, с христианских позиций. Поэтому взгляды и Соловьева, и Толстого в изложении Степуна были им небезразличны. Эти взгляды откладывали отпечаток на то затаенное, что жило в их душе и веками формировалось православием, и стремились проникнуть в тайны души человека.

Особенно удивило Степуна то, что крестьяне с радостью приняли его предложение организовать театр. Федор Августович быстро сформировал труппу. Его поражало, как малограмотные и безграмотные, никогда не видевшие театральных постановок юноши и девушки легко входили в свои роли. «Не умея грамотно прочесть текста, не зная, куда девать руки и ноги, не владея дыханием, а потому и голосом, они – что самое главное – без остатка растворились в изображаемых лицах», как писал о своих подопечных Степун¹.

Многое шло от широты славянской души, ее мягкости, гибкости, способности, словно губка, впитывать новое и усваивать его как собственное, неотличимое от первоисточника. По наблюдениям Степуна русские крестьяне сохранили некую детскость, потребность к игре. Видимо, сказывалось, что безмятежного детства у них не было. С малых лет приходилось трудиться.

Глядя на русских крестьян, у Степуна невольно возникали мысли о тупиковом развитии в русле равнодушного, бесстрастного технократического западноевропейского прогресса. Может быть и прав О. Шпенглер, размышлял Федор Августович, когда говорил, что закат Европы связан с торжеством материального в ущерб духовному развитию человека?² Оптимизм внушало то, что исконная русская религиозность не дает потухнуть духовности, согревающей душу и разум человека подлинными смыслами бытия.

¹ См.: Киселев А. Ф. С верой в Россию. Духовные искания Федора Степуна. М., 2011. С. 101.

² Там же. С. 104.

Итак, религиозность – одна из устойчивых и главных сущностей русского национального характера. Другая, не менее устойчивая сущность его характера – коллективизм. Общепринято, что его формировал многовековой общинный жизненный уклад русского крестьянства. Однако такой выдающийся русский мыслитель, как С. Л. Франк, не отрицая значения общинности в формировании русского коллективизма, на первый план в этом процессе выдвигает православную соборность. Он утверждает, что истоки самобытного русского коллективизма исходят не из общины, не из социально-экономических и общественных отношений. Они находятся в другой области. Франк предлагает искать их в иной сфере и глубже задуматься над православным понятием «соборности», которое наиндивидуальнее и служит объединяющим началом духовного единства православных людей.

Западное мировоззрение берет «я» за отправную точку, которая самодостаточна и представляет собой независимую сущность. Франк предлагает иное духовное понимание «в котором не “я”, а “мы” образует повседневную основу духовной жизни и духовного бытия»¹. По Франку, «мы» не более позднее образование, чем «я» и «ты», а их первичное единство, из которого только и может вырасти «я», которое не растворяется в «мы», а, напротив, только в связи с целым получает свободу и возможность подлинного самовыражения, питаясь соками из «наиндивидуальной общности». Как подчеркивает Франк, это свойственная православным «мы-философия» – в противоположность «я – философии» Запада.

Эта идея лежит в основе «русской церковной мысли», в которой церковь – не иерархическая структура, принуждающая к вере, не авторитет высшего иерарха, как в католичестве, а «живое, внутреннее духовное единство всех верующих». Это единство в духовной свободе, в братской любви, в общем смысле жизни. Здесь вера – свободный и искренний выбор каждого жить во Христе. Соборность – духовная связь, в которой воплощается единство личного с общим, обретается гармония отношений между людьми, которая освящена смыслом жизни как служения вечному и нетленному.

На идеях соборности русская философия и литература взрастили идеи всечеловечности как альтернативы развитию мира на началах противоборства, иступленно-го стремления одних народов добиться власти над другими, бесконечности раздоров и войн. Есть ли другой, альтернативный полюс этой вечной вражде?

Ф. М. Достоевский ответил на этот вопрос утвердительно: есть и этот полюс – Россия. Федор Михайлович писал, что русская культура, воплощенная в творчестве А. С. Пушкина, пропитана идеей всемирности и всечеловечности как исторического призвания России не покорять и властвовать, а объединять и примирять. Такова историческая миссия России. Она уже мощно давала и дает о себе знать во взаимоотношениях народов нашей многонациональной страны, в освободительных миссиях России XIX и XX вв., в ее борьбе с мировым терроризмом. Прозорливость Ф. М. Достоевского очевидна. Ф. М. Достоевский выделяет другое качество Пушкина – умение перевоплощаться в «гении чужих наций». Федор Михайлович пишет, что эта способность к перевоплощению без отказа от национальной самобытности есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее

---

¹ Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 147.

со всем народом нашим. Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все двухсотлетие с петровской реформы не раз¹.

О даре русских к перевоплощению писал и М. Ю. Лермонтов. В его романе «Герой нашего времени» персонаж, которому довелось служить на Кавказе, рассуждает так: «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно похвалы или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения»².

При этом зло для него не перестает быть злом. Он терпит его только в силу собственного миролюбия и желания избежать бесплодных конфликтов и междоусобиц. Русские стремились не враждовать с другими народами, а понять их и воспринять то лучшее, что было у соседей или в той среде, где они волей судеб оказались. Наше стремление к примирению с Европой совпадает с духом русского народа и «имеет высшую цель». Однако у Европы и США другая «высшая цель»: не умиротворять мир, а доминировать над ним, строить его согласно своей воле и интересам. Этот государственно-политический эгоизм родился и вырос, обрел силу на почве индивидуализма, столь характерного для западноевропейской ментальности, когда человек замыкается в скорлупе личных интересов и всеми силами их отстаивает и реализует. Практически то же самое мы наблюдаем во внешней политике Запада, который под флагом глобализма, демократии, гражданских свобод, прав человека навязывает остальному миру свои сугубо корыстные интересы. При этом им глубоко безразлично, что борьба за «демократию» для многих стран заканчивается катастрофой и часто потерей собственно государственности.

В России не было духовной почвы для торжества индивидуализма. Православная соборность формировала другие качества личности – коллективизм, стремление к справедливости в межличностных коммуникациях, чувство принадлежности к общему, высокому и подлинно ценному. Поэтому логично и закономерно, что именно в России родилась теория всеединства человечества. Ее идеи нашли отражение и развитие в произведениях корифеев отечественной и мировой литературы – Пушкина, Достоевского, Толстого, Тютчева, Лескова и других творцов русской культуры.

Научное обоснование теории всеединства человечества разработано в трудах выдающихся российских философов – А. Хомякова (именно он обосновал соборность как главное качество православия), Н. Данилевского, В. Соловьева, особенно Франка, князей братьев Трубецких, Флоренского, Ильина, Бердяева и других представителей русской философии³. Список имен весьма обширен. Эти идеи утопия? Возможно и так, если соглашаться с тем, что мир в конечном счете сожрет себя сам

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880 г. Пушкин. Очерк // Об искусстве. М., 1973. С. 367–369.

² Киселев А. Ф. Увидеть Россию заново. Многоликая Россия. М., 2010. С. 83.

³ См.: Зеньковский В. В. Ф. М. Достоевский, Владимир Соловьев, Н. А. Бердяев // Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955.

и рухнет в бездну. Идеи всеединства и всечеловечности – единственная альтернатива грозящей миру катастрофы, когда он низвергнется в «войну всех против всех».

Православие в самом широком смысле формировало мировоззрение русского народа. Его суть и основные черты проявляются в русской культуре: в музыке, литературе, философии и др. В русской литературе ведущей являлась религиозная тема смысла жизни, преодоления зла и страдания, поиска правды, утверждения внутренней свободы как важнейшего условия развития личности, ее ответственности перед собой и миром. Литературно-поэтическая, художественная выразительность ближе русскому мышлению, чем холодно-рассудочное отвлеченное «философствование». Отечественным мыслителям свойственно эмоциональное, чувственное переживание жизни и стремление постичь ее духовный смысл, что в значительной мере связано с религиозными корнями русского самосознания и религиозно-эмоциональным постижением жизни.

Франк пишет о том, что «русскому религиозному духу, который лучше всего отражает национальный духовный склад, изначально присуще непреодолимое стремление к умозрительности, к философской глубине и основательности, и что ему ничто так не противоречит, как сентиментально-размытый субъективизм, отличающий некоторые западные религиозные секты»¹.

В русском мышлении эмпиризм понимается не как нечто отвлеченное, а как жизненный опыт, познать который означает приобщиться к чему-то сущностному в реальной жизни. Это знание, которое рождается в нас и вынашивается нами на основе жизненного опыта. В научной литературе русская философия характеризуется как «живое знание», то есть знание, приобретенное из жизни, ей обусловленное и тесно с ней связанное. «Оригинальность отечественной философии заключается не в стремлении к неординарным высказываниям, а в отказе от беспредметного философствования в постижении мира и жизни»², – отмечает Ф. А. Степун.

Для нас был характерен рост православной направленности в объяснении мира. Замечательный поэт и мыслитель Ф. И. Тютчев отмечал: «Россия гораздо более православная, чем славянская. И, как православная, она является залогохранительницей империи»³. Иными словами, российская цивилизация – цивилизация православная, что и определяет ее неповторимый и самобытный облик и суть в мировой истории.

До сей поры бытуют утверждения, что наука и вера несовместимы, а русские мыслители почти два века назад аргументированно доказывали, что вера может быть инструментом познания. Вопрос лишь в том – воспринимать ли мир как Божье творение или как бессмысленный хаос противоборствующих разнородных сил?

Жизнь есть реальная связь между «я» и бытием, в котором «я» укоренено, что и дает возможность его постичь, а не утверждать через мышление, что характерно для западноевропейских мыслителей. Афоризм «прежде всего жить, а потом философствовать», как полагает Франк, отражает основное духовное качество русского мировоззрения в противовес известной формуле Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую».

---

¹ См.: Франк С. Л. Смысл жизни // Смысл жизни. Антология. Вып. II. М., 1984.

² Цит. по: Киселев А. Ф. Жизнь и смыслы. М., 2015. С. 295.

³ Цит. по: Там же.

Человек встроен в бытие, и оно ему «самораскрывается», ибо сознание – часть бытия. Это органично для человека чувство бытия очевидно и объективно. Здесь сосредоточена «суть типично русского онтологизма», как заключает С. Л. Франк¹.

В центре русского мировоззрения стоит человек, а природа религиозно очеловечивается. При этом человек, как подчеркивает Франк, всегда воспринимается как представитель человечества, коллективной сущности его, что является прямым следствием православного взгляда на мир как соборность. Во многом поэтому русскому духу чужд национализм, национальное чванство и самодовольство.

Характерной чертой русского мировоззрения является его цельность. В католической традиции есть некое разделение человека и Бога. Православие проповедует единство человека и Бога, обязанного найти Всевышнего в собственной душе и укорениться в Боге, который и внешняя, и внутренняя сила православного христианина. Бытие в Боге составляет суть православия, что обеспечивает мировоззренческую цельность сознания.

Говоря о русском мировоззрении, следует упомянуть о странничестве – этой бродячей Руси, ищущей своей правды. Об этом направлении духовной жизни с глубоким уважением писал Н. Бердяев. Он участвовал в религиозных беседах с бессмертниками, хлыстами, тостовцами и с отдельными не принадлежавшими ни к одной из сект «народными теософами». Они не имели систематического образования, а были самоучками. Бердяева в этих беседах и диспутах поражали напряженность духовного искания, захваченность одной какой-нибудь идеей, искания правды жизни. Народные искатели Божьей правды хотели, чтобы христианство осуществилось в жизни, хотели большей духовности в отношении к жизни, не соглашались на приспособление к законам этого мира, считая его безбожным и искали иной жизни. Бердяев не представлял себе России и русского народа без этих искателей Божьей правды. Странничество – своеобразное воплощение глубокой религиозности русского человека.

Н. Лосский к первичным свойствам русского народа относит сильную волю и жертвенность. Например, в августе 1915 г. защитники крепости Осовец подверглись со стороны немцев газовой атаке. Однако два десятка русских солдат, буквально полуживые от отравления газом, нашли в себе силы для контрудара и обратили в бегство около полка противника. Подвиг был настолько удивительным, что вошел в историю Первой мировой войны под названием «атака мертвецов».

Близкий к современности пример – подвиг псковских десантников 6-й роты, которая практически поголовно погибла на поле боя, но остановила в несколько раз превосходящие силы чеченских боевиков. Несгибаемая воля и способность преодолевать буквально нечеловеческие испытания стала главным фактором победы советского народа в Великой Отечественной войне. И наш враг прекрасно понимал это. В конце 1944 г., когда крах Третьего рейха стал неизбежным, Гитлер в кругу своих приближенных говорил: «Во имя чего принесли мы все жертвы? Ведь так долго, как она уже продолжается, война не продлится. Этого ни один человек не выдержит – ни мы, ни они. Вопрос только в том, кто выдержит дольше»². У советского

¹ См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.

² Киселев А. Ф. Жизнь и смыслы. М., 2015. С. 250–251.

солдата воля оказалась крепче. Он выдержал и победил. Воля необходима для того, чтобы приобретать, умножать и защищать свои, накопленные веками духовно-нравственные ценности, что русский народ демонстрировал на протяжении всей своей истории.

Огромную роль в формировании национального характера русского народа играл природно-географический фактор, жизнь человека по преимуществу в неблагоприятных для земледелия условиях, с коротким весенне-летним сезоном и длинными холодными зимами. Среду обитания русским людям приходилось буквально отвоевывать у природы, что требовало колоссальных трудозатрат и духовно-нравственных сил. Свою роль играл и геополитический фактор – необходимость постоянно отстаивать свое право на жизнь во враждебном окружении.

Душа каждого народа схожа с родной природой. В русском пейзаже нет однообразия. Он динамичен, постоянно преобразуется в зависимости от времен года, отличается необъятными просторами, где дремучие заповедные леса и полноводные реки сменяются бескрайними степями и горными высями. Подобная разноликость не укладывается в единую форму, здесь больше контуров и силуэтов, чем строгой картины. Отсюда в душе русского человека исключительное место занимает область подсознательного. Русский человек чаще всего не знает, чего он хочет, куда его тянет, отчего ему грустно или весело¹.

Парадокс, как подчеркивал философ Ф. Степун, заключается в том, что божественное, к которому склонна и устремлена русская душа, сочетается с исконной простотой и даже нищетой крестьянского быта. Видимо, достаточно было красоты природы, Божьего творения, чтобы ощущать себя в мире гармонии и подлинной красоты. «Неизвестно куда пролегающие дороги, неподвластные взору лесные дали лесов и лугов, бурые болота и топи и мхи, гудящие, глухие леса, снежные вихри, свивающие мир в бесформенный хаотический лик, – все это знаменательно толкает Россию на пути всепоглощающего религиозного творчества»².

Философ Иван Ильин писал о том, что народ, обитающий веками в суровом климате, вынужденный жить скромно и на всем экономить, неизбежно становится чувствительным и созерцательным, восприимчивым и мечтательным, верующим и терпеливым, смиренным, ищущим вокруг себя красоты – в слове, красках и запахах. Русский характер изначально предстает не как нечто монотонное, закоснелое, раз и навсегда застывшее, так сказать, намертво смонтированное, а, наоборот, оказывается предельно гибким, податливым ковке, разнообразным³.

Русская душа в лучах вечно-женственного ищет форму вечно-мужественного. Она сочетает в себе эти два вечных начала. Философ подчеркивает, что русская душа нечто совершенно другое по сравнению с европейской душой, которой постоянно угрожает декаданс вечно-мужественного: формализм, заорганизованность, чрезмерная трезвость, жесткая интенсивность, рационалистская проза, эмпирический рацио-

---

¹ См.: Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Русский мир. М., 2003. С. 622–623.

² Степун Ф. А. К феноменологии ландшафта // Сочинения. М., 2000. С. 807.

³ Цит. по: Киселев А. Ф. У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия. М., 2019. С. 277.

нализм, безверие¹. Отсюда высокомерное отношение европейцев к русским, взгляд на них как на варваров, чуждых подлинной культуре.

В ходе исторического развития выковывался исторический тип человека с устойчивыми качествами личности, передававшимися из поколения в поколение. В частности, крупный мыслитель Г. П. Федотов полагал, что советские, а значит во многом наши современники, унаследовали тип человека, сформировавшегося в предыдущие века. В нем поражают крепость, выносливость, сила сопротивления, преодоления тяжелейших испытаний без напыщенного, громкого героизма. Эти качества русский народ постоянно проявлял и проявляет в собственной и мировой истории.

Географический фактор серьезно влиял на развитие этносов, вынужденных приспособляться к природным условиям, что формировало соответствующие типы народных характеров. Кочевники отличались от земледельцев не только родом занятий, но и типом поведения, особенностями межличностных отношений, складов мышления и психологии. Повседневный хозяйственно-бытовой уклад, взаимоотношения поколений и семейные отношения оформлялись в условные рефлексy, дающие способности оптимально приспособляться к географической среде, которая осваивалась и переживалась сознанием, подстраивающимся под конкретные пространства. Человек становился частью природы, а она в свою очередь впитывалась во внутренний мир человека, придавала его характеру устойчивые качества.

Философ Н. Бердяев отмечал, что в России необъятные просторы рождали у ее обитателей представления о мощи и несокрушимости Русской земли. Огромные пространства, как писал Н. Бердяев, способствовали тому, что русский народ «был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности». Русский национальный характер противоречив, что особо отмечал Н. Бердяев: «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»².

Бердяев прав, но лишь отчасти. Ближе к истине Ф. М. Достоевский, который писал, что о народе судят не по мерзостям, на которые способны его отдельные представители, а по высоте духа и действию, которые он проявляет и демонстрирует в собственной и мировой истории. К тому же русским свойственно обостренное чувство греха с последующим покаянием и духовным возрождением. Таковы многие персоналии произведений Достоевского, Толстого, Гоголя и других очевидцев русской культуры и народных характеров.

Отметим и такое качество русских, как тяга к самоуничтожению. Об этом писал талантливый историк Д. П. Кончаловский (1878–1952): «У русских есть совершенно исключительный дар с какою-то болезненной любовью останавливаться на своих пороках, точно так же как другие, например французы и англичане, особенно

¹ Цит. по: Киселев А. Ф. У всякого народа есть родина, но только у нас – Россия. М., 2019. С. 277.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2020. С. 8–9.

любят выставлять свои добродетели»¹. Скажем прямо – качества противоположные. Видимо, от них исходит стремление европейцев обличать других, особенно русских, забывая о собственных пороках.

Ученые отмечают, что люди живут по двум типам программ – биологическим, соответствующим нашим генетическим кодам, и социальным как кодам культуры. Культура представляет собой наследственность с образцами поведения и общения, нормами и правилами, ценностями, мировоззренческими установками и др., а язык выступает особой системой, которая выражает и регулирует человеческие действия и поступки. Любой язык хранит в себе историю народа, его адаптации к природной среде, базисные преемственные и наиболее устойчивые ценности.

Язык задает определенную программу общения и эмоционального переживания. Сравнительный анализ лингвистов эмоциональной нагруженности лексики разных народов обнаруживает их различие в этом плане. Есть исследования, в которых показано, что в русской лексике значительно больший процент эмоционально окрашенных элементов, чем в английской. Отсюда и особенности взаимоотношений между людьми. Мы люди эмоциональные и, когда говорим о событиях, поведении других людей, всегда даем им оценку и эмоционально переживаем, что самым существенным образом сказывается на межличностных отношениях. Они могут быть холодными или теплыми, добрыми или недоброжелательными, но всегда безразличными и равнодушными.

Недаром большинство иностранцев, поживших в России сколь-нибудь долго, отмечают особую сердечность, искренность, распахнутость отношений между людьми, которых недостает западной ментальности. Базовые чувства, нормы, правила, моральные установки отношений между людьми, их особый колорит веками формировались православием, с его проповедью добра, любви, справедливости и др. Православие формировало не только мировоззрение и образцы поведения народа, но и его чувственный мир.

Природно-географический фактор влиял на характер труда. Большинство населения России составляли крестьяне, жившие в крайне неблагоприятных для земледелия условиях, когда скоротечность рабочего сезона сельскохозяйственных работ, требовавшая почти круглосуточных тяжелых и быстрых физических усилий, сформировала на столетия русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и способностью к высочайшему напряжению сил. Ярко выраженная сезонность сельскохозяйственного труда в России обуславливала неритмичность трудовой деятельности русских крестьян.

На связь привычки к неритмичности труда с особенностями природных условий сельскохозяйственных работ обратил внимание В. О. Ключевский. Он писал: «В одном уверен великоросс – что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много за короткое время и вовремя убраться с поля, а затем оставаться

---

¹ Кончаловский Д. П. Путь России. Размышления о русском народе, большевизме и современной цивилизации. Париж, 1969. С. 85–86.

без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкая работать скоро, лихорадочно и споро, а отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда за короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к равному, умеренному и размеренному, постоянному труду»¹.

Крестьяне были своего рода заложниками природы. Они даже при условии тяжкого, надрывного труда в весенне-летний период не могли создать никаких гарантий хорошего урожая. Отсюда у определенной части крестьянства и формировались чувства обреченности, безразличия к собственной судьбе, к обустройству быта, фатализм и ирония над суетностью жизни, надежда на знаменитый русский «авось».

Из века в век Россия наращивала свои территории, что существенно влияло на стиль русского хозяйствования. Ф. А. Степун пишет: «Так постоянный колониционный разлив России, неустанный прилив хлебодородных равнин, которые приходилось наспех заселять и засеивать, лишал русский народ ... возможности заботливого и тщательного труда на земле ... так столетиями создавался в России стиль малокультурного, варварского хозяйства, психология безлюбивого отношения к любимой земле...»².

Наблюдения Ф. А. Степуна не лишены оснований. Однако ведущим у русского крестьянства было не потребительское, а религиозное отношение к земле, имеющее истоки еще в глубине язычества. Особое место в религиозной жизни народа занимал культ Богородицы, олицетворяющий религию матери-земли, питающий духовные силы народа. Он трепетно любит землю, относится к ней как к кормилице, несущей материнскую ласку. Иначе быть не могло, ибо, по утверждению И. А. Ильина, основной духовно-творческой силой русской души является любовь. Без любви и веры русский человек «или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности»³.

Религиозное отношение к матушке-земле рождало созерцательность, столь свойственную русскому человеку, и отношение к земле как хранительнице «нравственного закона», прежде всего закона родовой жизни.

Мыслитель Г. П. Федотов выделял в русском восприятии природы два аспекта, имевших религиозный характер. Во-первых, глубокое осознание человеком своей принадлежности к природе и укорененности в ней. Во-вторых, ощущение красоты природы. На основе этих чувств и развивалась художественная одаренность нации, а религиозное искусство, отличавшееся утонченностью и изяществом линий и красок, высокой одухотворенностью, оказывало на русскую душу исключительное влияние.

Примечательно, что «в культе Богородицы на Руси на первое место выдвигалось не ее девство, а Божественное материнство. Красота не считалась, в отличие от Запада, главной чертой ее образа». В русских иконах красота человеческого лица «очищена от какой-либо сексуальной привлекательности и одухотворена небесами»⁴.

¹ Цит. по: Киселев А. Ф. Жизнь и смыслы. М., 2015. С. 277–278.

² Там же. С. 284.

³ Ильин И. А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 437.

⁴ Федотов Г. П. Русская религиозность // Федотов Г. П. Собр. соч. В 12 т. М., 2001. Т. 10. Ч. 1. Христианство Киевской Руси X–XIII вв. С. 331–332.

В русской душе главной чертой является милосердие. Г. П. Федотов пишет: «Милосердие на Руси не только находит самое сильное выражение в любви между братьями или кровными родственниками, но стремится охватить всех людей, как бы находящихся в родстве между собой... Это приносит определенную теплоту, оттенок семейной нежности в человеческие взаимоотношения»¹. Эти качества русских отмечало большинство иностранцев, побывавших и живших в России.

Милосердие сочеталось с самоуничижением. Оба типа религиозной этики складывались под влиянием монашества с его смирением, послушанием и покаянием. «Человек, знающий свое место в мире, должен смирять себя перед вышестоящими: Богом, императором, начальником, богатым и т. д. По отношению к нижестоящим он должен проявлять снисходительное, покровительственное милосердие. В кенотической религии, образцом которой служит уничижение Христа, человек смиряет себя не только перед Богом, но и перед низшими членами общества»².

Одна из главных монашеских добродетелей – покаяние. Русь всегда была готова искать утешение и духовный подъем в очищающем душу покаянии и умилении, свойственных русскому характеру. Монашество, по утверждению Г. П. Федотова, притягивало мирян и указывало на путь «высокого кенотизма, оставляя открытым для мирян так же, как и для иноков. Для всех, в том числе и для князей, церковь была руководительницей и советчицей во всех важных вопросах, мирских и религиозных»³.

Взгляды Г. П. Федотова на русский народ совпадают со взглядами И. А. Ильина, который видел в России не просто «продукт своего пространства, климата, природы, истории, но и цветок своего духа, плод этой духовной традиции», воплотившейся в национальном характере православного населения. Это традиция восприятия целостного и чистого мира, просветленного радостью и покоем. Это своеобразная культура любящего сердца. У народов России формируется органическая терпимость друг к другу, своеобразная свобода духа и волеизъявлений в делах веры. «Русская воля получает свой размах только тогда, когда она что-то любит (патриотизм), и разворачивается ее невиданная дуэль только тогда, когда эта любовь в основе своей религиозна», – подчеркивал И. А. Ильин⁴.

За свою историю русский народ прошел невиданную школу выдержки, терпения, мужества, находчивости в борьбе с суровой природой и агрессивными соседями, с социальными неурядицами, гнетом крепостничества. При этом формировалась прочная традиция подвижнического служения Богу, Святой Руси, матери-земли, в которую уходят наши национальные корни.

В обожествлении матушки-земли сохранились следы языческого поклонения ей, что также определило исключительную устойчивость восприятия крестьянами земли как святыни. Отсюда во многом проистекало неприятие крестьянами частной собственности на землю (купли-продажи того, что дано труженику Богом), нежелание

---

¹ Федотов Г. П. Русская религиозность // Федотов Г. П. Собр. соч. В 12 т. М., 2001. Т. 10. Ч. 1. Христианство Киевской Руси X–XIII вв. С. 348.

² Там же.

³ Там же. С. 352–353.

⁴ Ильин И. А. Покой и радость в православном мирозерцании // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1997. Т. 6. Кн. 3. С. 186.

большинства крестьян (и в начале XX в.) расставаться с общинным распределением земли. Подобное отношение к земле связано не только с общинной психологией, сформированной во многом под влиянием тяжелых природных условий хозяйствования, но и с глубокими религиозными чувствами многих поколений русского крестьянства.

Лев Толстой отмечал: «По понятиям русского народа увеличение благосостояния состоит в равномерном разделении земель, в увеличении сил почвы, в увеличении скотоводства, в увеличении количества хлеба... в увеличении рабочих сил (никогда мужик не жалуется на то, что у него в селе слишком много народа), в увеличении лесов и пастбищ, в отсутствии городских соблазнов»¹. Даже к началу XX века крестьяне не связывали достаток с высокими денежными доходами. Для них материальное благополучие заключалось в сельскохозяйственных угодьях и плодах труда на земле.

Во многом поэтому Лев Толстой писал о том, что «в поколениях работников лежит и больше силы, и больше сознание правды и добра, чем в поколениях баронов, банкиров, профессоров» и, главное, эту мысль подтверждает простое наблюдение: «работник точно так же саркастически и умно обсуживает барина и смеется над ним за то, что он не знает – что соха, что сволока, что гречиха, что крупа... и за то, что барин живет всю жизнь ничего не делая и т. п.»². Для крестьянина труд главная нравственная категория, ценность и критерий оценки человека. Крестьянский мир, по сути, отрицал буржуазность с ее индивидуализмом, прагматизмом, культом наживы, социальным эгоизмом, что дало основание философу Н. А. Бердяеву утверждать, что «русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрасудков и не поклонялся буржуазным добродетелям»³.

Другой выдающийся философ, С. Л. Франк, писал: «Собственников и собственных интересов было в России очень много, но они были бессильны и были с легкостью попораны, потому что не было собственнического “миросозерцания”, бескорыстной и сверхличностной веры в святость принципа собственности»⁴. Не здесь ли кроются причины краха рыночных «реформ» 1990-х гг.?

Об антибуржуазности в характере русского народа писали многие мыслители. Н. А. Бердяев писал: «Русский человек, даже если грех корыстолюбия и стяжательства овладел его природой, не считает своей собственности священной, не имеет идеологического оправдания своего обладания благами жизни, и в глубине души думает, что лучше уйти в монастырь...»⁵. Далее философ продолжает: «Буржуазная идеология никогда не имела у нас силы и не владела русскими сердцами»⁶. Поэтому не случайно, что «Хомяков и Леонтьев, Достоевский и Л. Толстой, Владимир Соловьев и Н. Федоров низвергают буржуазный строй и буржуазный дух не менее, чем русские революционеры, социалисты и коммунисты»⁷. С. Л. Франк, характеризуя русский

¹ Толстой Л. Н. Прогресс и определение образования // Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 85.

² Там же. С. 86–87.

³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119.

⁴ Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 219.

⁵ Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1990. С. 45.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

«национальный дух», близок к истине в следующем утверждении. «Теория Маркса о классовой борьбе и восстании пролетариата, его призыв к низвержению старого европейского государства и буржуазного общества ответили какой-то давно назревшей, затаенной мечте безграмотного мужика»¹.

Культ денег и наживы абсолютное большинство российских граждан отвергли. В России традиционно больше верили в греховность собственности, чем в ее «святость». Прав талантливый современный исследователь Б. В. Раушенбах, когда пишет, что в рыночной цивилизации есть изъян: в ней отсутствует какая-либо крупная идея, объединяющая людей и придающая их существованию «высокий смысл». Высокие смыслы лежат далеко за пределами общества всеобщего потребления. Они сосредоточены в ковавшихся веками традициях русского народа, его веры, мировосприятия, национального характера и мировоззрения, далекого от стяжательства, зла, зависти, человеконенавистничества – изъянов западной цивилизации.

Нам необходимо уверенно двигаться вперед и главным условием восхождения к новым высотам развития является углубленное национальное самопознание и обретение подлинных смыслов жизни. К нам обращены слова С. Л. Франка: «Смысл нашей жизни должен быть в нас, мы сами своею жизнью должны являть его. Поэтому искание его есть не праздное упражнение любознательности, не пассивная оглядка вокруг себя, а есть волевое, напряженное самоуглубление, подлинное, полное труда и лишений, погружение в глубины бытия, невозможное без самовоспитания. “Найти” смысл жизни – значит сделать так, чтобы он был, напрячь свои внутренние силы для его обнаружения – более того для его осуществления»². Найти смысл жизни означает постичь собственное «я» – идеи, лежащей в основе нашего самосознания и выражающей наше присутствие в мире. Это осознание собственной, отличной от других, бытийности формировалось на протяжении всей истории России. Следует помнить, что, постигая историю Отечества, мы постигаем самих себя и обретаем высокие смыслы жизни.

---

¹ См.: Киселев А. Ф. Последняя волна европейских революций // Увидеть Россию заново. М., 2010. С. 165.

² Франк С. Л. Смысл жизни // Смысл жизни. Антология. Вып. II. М., 1994. С. 97.